

Портрет Александра Невского — портрет-сравнение, не описание, но качественная характеристика, типологически сходная со знаменитой характеристикой Романа Галицкого, с тем исключением, что в приведенной цитате герой приравнивается к великим мужам древности, а в Галицко-Волынской летописи — к царям животного мира. Портрет Бориса, построенный по иному принципу, на первый взгляд предполагает возможность использования цветowych эпитетов. Однако и здесь мы встречаемся с оценкой, подчеркивающей превосходные качества князя-мученика (высокий рост, красота, узкие бедра, веселость, телесная крепость). Даже нейтральное указание на «бороду малу и ус» нужно для того, чтобы подчеркнуть его молодость. То же можно сказать и о пейзаже из «Хождения игумена Даниила»: его автор оценил реку Иордан, географически ее охарактеризовал, но красоты пейзажа его не интересовали. Он видел, конечно, и окраску листьев «лозия», и цвет «болония», и все же отметил только белые горы.

Стоит отметить, что в отличие от новой прозы портрет и пейзаж средневековой литературы, с одной стороны, не статичны, с другой же — не имеют никакого отношения к характеру человека. Поэтому они не индивидуальны. Здесь все — оценка, сопоставление, какой-то общий «скелет», голая конструкция. Это, разумеется, отражение реальности, «жизнеподобие», но отражение весьма своеобразное. Действительность изображается в соответствии с идеалом либо с определенным критерием, иногда она исследуется, но отнюдь не живописуется. Это — не картина, и поэтому здесь нет места цвету. В качестве эстетического комментария можно напомнить переходящие из быliny в былинку описания сбруи (как правило, бесцветные) — тут и уздича шелковая «из чиста шелку шемаханского», и черкасское седелко окованное, и шестнадцать подпруг кругом — «семнадцата натянута продольная». И завершается описание такой фигурой:

...не для красы-басы угожества,
для такой укрепы богатырскии...

Я сознательно пока ограничивался примерами из текстов, относящихся к киевскому периоду или продолжающих киевские традиции (Житие Александра Невского). И. П. Еремин в превосходной работе «О византийском влиянии в болгарской и древнерусской литературах IX—XII вв.» показал, что ни в Болгарии эпохи «золотого века», ни в Киевской Руси современная византийская литература, переживавшая блестящий подъем, в сущности не была известна. Болгарские и древнерусские книжники того времени, отбирая для перевода материал, ориентировались преимущественно на авторов IV—VI вв. Современная византийская проза и поэзия была, по мнению И. П. Еремина, трудна даже для искушенного книжника-славянина: «Начинать надо было не с конца, а с начала. Надо было обратиться к „первоисточникам“, шаг за шагом освоить долгий путь, византийской литературой давно пройденный».¹⁷

Явления, подобные отмеченному И. П. Ереминым, известны и в другие периоды русской литературы. В XVII в., когда русская культура начала сближаться с западноевропейской, также пришлось начать с азов, усваивать «народные книги», в Европе давно уже спустившиеся в «нижний этаж» литературы, и это происходило одновременно с такими блестящими национальными достижениями, как проза Аввакума, как «Горе

¹⁷ И. П. Еремин. О византийском влиянии в болгарской и древнерусской литературах IX—XII вв. — В кн.: Славянские литературы. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963, стр. 8.